

5. Орехов С.И. Виртуальная реальность: монография. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2002. 183 с.
6. Подорога В. Текст против Произведения. Ролан Барт – читатель [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2019. №5. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/159_nlo_5_2019/article/21507/ (дата обращения: 14.07.2020).
7. Рассел Б. Человеческое познание, его сферы и границы. Киев: Ника-Центр, 2001. 560 с.
8. Светлая камера. Реферативный перевод Р. Барта [Электронный ресурс]. URL: <https://www.photographer.ru/cult/theory/551.htm> (дата обращения: 14.07.2020).
9. Смердова Е. Игры интерпретации (о книге С. Лема «Философия случая») [Электронный ресурс] // Филолог. 2012. Вып. 18. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_18_370 (дата обращения: 15.07.2020).
10. Теория культуры: Учебное пособие / Под ред. С.Н. Иконниковой, В.П. Большакова. СПб.: Питер, 2008. 592 с.
11. Хабибуллина З.Н., Мезит Ю.В. Необходимость и случайность в социальном развитии // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 1А. С.191-198.
12. Шиньев Е.П. Концепция интертекстуальности в современном гуманитарном знании (культурологический аспект) // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. 2007. № 7. С. 183-188.

ПИСАТЕЛЬ И ИЗОБРЕТАТЕЛИ.

РАССКАЗ А.К. ГОЛЬДЕБАЕВА «КРАНТ» И ЕГО КОНТЕКСТЫ¹

Перепёлкин М.А.

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва,
кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, профессор

Морозова К.И.

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва,
кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, аспирант

Статья посвящена анализу рассказа А.К. Гольдебаева «Крант», увидевшего свет в 1911 году. Авторами была предпринята попытка раскрытия глубинного смысла рассказа, который скрывается за внешней темой изобретательства. Гольдебаев, чьё творчество приходилось на период рубежа веков, времени, когда происходили «тектонические сдвиги» в понимании традиционных для философии проблем, и складывалось и развивалось новое видение мира, поднимал проблемы мнимого патриотизма и противостояния западников и славянофилов. Кроме этого, на основе уникального архивного материала приоткрывается дверь не только к мироощущениям Гольдебаева, но и коллег по перу, полностью или частично разделявших его взгляды.

Ключевые слова: А.К. Гольдебаев, крант, изобретательство, нарратив в нарративе, западничество, славянофильство.

---

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ, проект 20-312-90040 «Творчество А.К. Гольдебаева (Семёнова). Феномен «провинциального писателя» в русской литературе конца XIX - начала XX вв.

**WRITER AND INVENTORS.
STORY BY A.K. GOLDEBAEV “PLUG” AND ITS CONTEXTS**

Perepelkin M.A.
Samara University,
Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Professor

Morozova K.I.
Samara University,
Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations,
Postgraduate student

The article is devoted to the analysis of the story of A.K. Goldebaev "Plug", which saw the light in 1911. The authors attempted to reveal the deep meaning of the story, which is hidden behind the external theme of invention. Goldebaev, whose work was at the turn of the century, the time when “tectonic shifts” occurred in the understanding of the traditional for philosophy problems, and a new vision of the world developed, raised the problems of imaginary patriotism and the confrontation between Westernizers and Slavophiles. In addition, on the basis of unique archival material, it is possible to open the door not only to the worldview of Goldebaev, but also to his colleagues who fully or partially shared his views.

Key words: A.K. Goldebaev, plug, invention, narrative in narrative, Westernism, Slavophilism.

Рассказ А.К. Гольдебаева «Крант» увидел свет в самом начале XX века – сначала на страницах журнала «Образование», а чуть позже – в томе третьем «Рассказов», опубликованном в Петербурге, в издательстве М.И. Семёнова, в 1911 году. Рассказ невелик по объёму и довольно прост с точки зрения фабулы, однако, помещённый в контекст творчества писателя, а ещё больше – его же творческих и иных биографических связей, он, как нам представляется, открывает любопытные стороны, касающиеся не только мировоззрения и художественного самоощущения одного конкретного человека – А.К. Гольдебаева, но и всего биографического и творческого поколения, к которому он принадлежал, или той его части, мировоззрение которой разделял автор этого рассказа.

Что касается фабулы «Кранта», она такова. Рассказчик, призванный «в качестве присяжного заседателя <...> судить ближнего», услышал во время ожидания своей очереди участвовать в заседании суда от одного из других заседателей, Петра Петровича Б., историю о том, как последний был приглашён на обед к только что вернувшемуся из-за границы директору пивоваренного завода. Во время обеда директор завода восторженно рассказывал о посещённой им промышленной выставке, где «одно выставочное чудо сменялось другим, одна диковина уступала место другой». При этом «с особенным специфическим восторгом» директор «воспевал какую-то чудную пробку или замычку, совершенно влюбившую в себя его, заводчика». Прервав эти восторги директора, один из участников обеда сообщил, что совсем рядом, в их городе, живёт «самоучка-изобретатель, простой русский слесарь» Минька Моргун, в самом деле, изобретший «автоматический кран, или “крант”», представляющий собой «действительно чудную вещь». Услышав об этом русском гении, участники обеда посылают за ним, восторженно его встречают, осматривают его изобретение, а директор завода уговаривает Миньку оставить ему его чудесный «крант» для дальнейших испытаний и возможного внедрения. После обеда рассказчик, Пётр Петрович Б., отвозит изобретателя к нему домой, знакомится с его семьёй, живущей в нужде и жалующейся на изобретательский зуд главы семейства, мешающий ему найти хорошо оплачиваемую работу, и убеждает близких изобретателя, что скоро их жизнь переменится, так как талант Миньки обратил на себя внимание

«важного барина». Завершается рассказ Петра Петровича Б. сообщением о том, что сегодня, по дороге в суд, он вновь повстречался с директором завода, который только что вернулся из-за границы и похвастался тем, что заказал там на специальной фабрике автоматических пробок, а в ответ на удивлённое «а крант-то?» смутившегося: «А!.. Гм.. Ну, знаете ли... Как-то не... Ведь всё, представьте, заказали Нью-порту... Да и купор Минькин куда-то пропал. Искали, искали... так и не нашли...». В заключение своего рассказа Пётр Петрович ставит перед коллегой-заседателем (а вместе с тем – рассказчиком) вопрос, по какой причине директор предпочёл-таки отвергнутую заграничную пробку «кранту» Миньки-Моргуна: «...что это за причина, ей Богу не знаю!.. Уж не различие ли по существу между русским человеком и “иностранцем”? Как вы думаете?». «Я не успел ответить Петру Петровичу, – говорит рассказчик. – <...> мне пришлось идти в зал заседания: богиня правосудия призвала наконец и меня судить ближнего». Таким образом, вместо точки рассказ завершается многоточием, а точнее – многоточием после вопроса, адресованного писателем своему читателю. А вот был ли этот вопрос риторическим, или писатель не стал отвечать на него сам по какой-то другой причине, об этом мы и попробуем подумать в рамках этого доклада.

1.

Начнём с того, что тема изобретателей-самородков, разумеется, не была нова в русской литературе, и до А.К. Гольдебаева к ней уже не раз и не два обращались писатели самой разной величины и масштабов художественного дарования.

Хорошо известно, что у истоков темы стоял Н.С. Лесков, в 1881 году написавший и опубликовавший в сборнике «Праведники» рассказ «Левша» (полное название – «Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе»). Более чем прозрачная аллюзия к этому рассказу Лескова имеется и в «Кранте» А.К. Гольдебаева: «Лесковщина! – выкрикнул кто-то среди поднявшегося шума. – Повесть о стальной блохе!». Из этого выкрика «кого-то» из участников обеда у директора завода в «Кранте» видно, что спустя три десятка лет после выхода лесковского рассказа и его сюжет, и герой – Левша, воспринимались как общее место – когда-то волновавшее, а теперь, спустя время, утомившее и отошедшее в историю.

Однако и в течение тех трёх десятков лет, которые разделяли «Левшу» и «Крант», писатели продолжали обращаться к теме, поднятой Лесковым, и давали свои ответы на вопрос, который, несколько варьируясь, вновь и вновь не давал покоя многим предшественникам гольдебаевского «Кранта».

Во-первых, эпизодично крестьяне-умельцы встречаются в произведениях писателей-народников Н.Г. Гарина-Михайловского и А.И. Эртеля.

Н.Г. Гарин-Михайловский, инженер по образованию, был неравнодушен к судьбе крестьян и всячески старался «помочь тем, кто века работал» на его «дедов и прадедов». В деревне Гундоровке Самарской губернии, куда в 1882 году он переехал вместе с семьёй, писатель обучал крестьян усовершенствованным способам обработки земли, создал школу и больницу, прилагал усилия для укрепления крестьянской общины. Эти и другие факты биографии писателя легли в основу многих его произведений. Так, сюжет очерка «Коротенькая жизнь» строится вокруг истории помещика Александра Дмитриевича, который в память о сыне переоборудовал часть своего дома в крестьянскую школу. «У меня и учёные, и механики, и изобретатели даже есть. Есть и пахари – у каждого своя доля» [1, с. 170], – рассказывает помещик.

В рассказе А.И. Эртеля «Крокодил», входящем в сборник «Записки Степняка», описывается жизнь крестьян в Сазонской артели, которой управляет либерал Пётр Петрович по прозвищу Крокодил. Он «"раскусил" мужика и, отчаявшись в его лучезарности, обратился в образцового сельского хозяина» [6, с. 491]; одной из поставленных им перед собой целей было приучить мужика к порядку и «окультурить» его. Начал Крокодил с того, что поставил хозяйство на либеральную ногу и обновил

инвентарь своих крестьян. Например, «неуклюжая молотилка, воздвигнутая крепостным изобретателем Федулаем, отстранилась в пользу паровой машины Маршала» [6, с. 491].

Упоминание даже между строк изобретателей-самородков из крестьянской среды в произведениях Гарина-Михайловского и Эртеля играло, с нашей точки зрения, важную роль в раскрытии духовно-творческих возможностей и социальных устремлений простого мужика. Писатели пытались доказать, что важно не только и не столько сословное происхождение изобретателей, сколько желание и стремление познавать что-то новое и учиться.

Нередко в литературе рубежа веков за образами изобретателей-самоучек стояли реальные люди. Так, М.Е. Салтыков-Щедрин, страстно желающий «пробудить общественное сознание народных масс», тоже вводит в сюжетную канву сатирического романа «Современная идиллия» героя-изобретателя из низшего сословия – мещанина Презентова, реальным прототипом которого был крестьянин-сибиряк Александр Щеглов. По сюжету романа его главный персонаж, Глумов, вместе с компанией путешествует по деревням в надежде найти в бесправном государстве хотя бы один уголок, где ещё живы идеалы справедливого общества. Среди повстречавшихся на их пути был и талантливый изобретатель-самоучка мещанин Презентов, который сконструировал «маховое колесо <...> в роде как *perpetuum mobile*» [5, с. 169]. «Колесо было сквозное, со спицами. Обод его, довольно объемистый, сколочен был из тесин, наподобие ящика, внутри которого была пустота. В этой-то пустоте и помещался механизм, составлявший секрет изобретателя. Секрет, конечно, не особенно мудрый, вроде мешков, наполненных песком, которым предоставлялось взаимно друг друга уравнивать. Сквозь одну из спиц колеса продета была палка, которая удерживала его в состоянии неподвижности» [5, с. 177]. Презентов страстно рвётся к науке и изнывает от «жгучих стремлений к чему-то безмерному, необъятному», но вместо этого влачит нищенскую жизнь в неопрятной избе.

Реальный прототип был и у героя рассказа Н.Е. Каронина-Петропавловского «*Perpetuum mobile*» Андрея Пыхтина. Это крестьянин-пермяк Лаврентий Голдырев, тоже изобретавший вечный двигатель. Андрей Пыхтин – «мастер-кустарь, занимавшийся, кроме слесарного мастерства, ловлей рыбы по праздникам и содержанием лодок для гуляющих» [3, с. 21]. Пожалуй, главной целью в его жизни было создание вечной машины, которая должна была принести и пользу обществу, и поправить скудное материальное положение семьи Пыхтиных. «Машину поставят на выставку, и все будут любопытствовать насчёт её... А, может, и медаль выдадут. Тогда и мы поправимся...» [3, с. 21], – мечтал изобретатель. Но дальнейшая судьба ноу-хау, как и надежда на лучшую жизнь, во многом находились в руках управляющего, который не спешил выписывать разрешение на участие в выставке. По теории управляющего, всё общество делилось на классы: ползающие, малоголовые, неполноголовые, головобрюхие, хищные, мыслящие и любящие (только последние два занимаются решением мировых проблем человечества). К какому классу отнести Пыхтина – управляющий не знал. «Пыхтин сумасшедший! И я не знаю уже, к какому классу его причислить. Между тем, я не могу сказать, чтобы идея вечного двигателя была, безусловно, нелепа...» [3, с. 24], – признавался своей сестре Ольге Алексеевне управляющий. В чём-то этот сюжет, пусть и отдалённо, но напоминает гольдебаевский. Дальнейшая судьба как Пыхтина, так и Миньки зависела от представителей высшего класса, самим же изобретателям оставалось только ждать решения сверху. Но в отличие от Свистунова, Пыхтин дождался. Управляющий не только выписал приглашение на выставку, но и устроил изобретателя на завод.

Завершает галерею изобретателей-самоучек образ Кулибина, который прочно закрепился в отечественной литературе, в том числе, и как имя нарицательное. В новелле Б. А. Садовского «Великодушный жених» один из персонажей – Иван Кулибин. Фабула новеллы достаточно проста. Мещанин Злыгостев вместе с дочерью Настей жил в Ямской слободе, под самым Девичьим монастырём. Однажды свататься за девушку пришёл сам Иван Кулибин. «Иван-от Петрович в Питере всех анаралов и министров знает,

амператрица покойная сама ему медаль на шею навесила: заслуженный человек, знамо» [4], – нахваливал Злыгостев потенциального зятя. Только вот Насте вся эта похвала была безразлична, так как любила она Митьку. До Кулибина случайно дошли слухи, что возлюбленные планируют побег, и он не стал препятствовать. В итоге Настенька венчалась с Митей, а посажёным отцом у жениха был знаменитый Иван Петрович Кулибин. В сюжете этого рассказа тема новаторства выражена косвенно, лишь через личность знаменитого изобретателя.

Итак, из предпринятого небольшого экскурса в историю изображения изобретателей-самородков в русской литературе мы видим, что в основном в качестве талантливых мастеров представляли люди низших сословий. По сути, все эти персонажи вполне типичны – трудолюбивы, честны и немного наивны. В этом плане образ гольдебаевского Миньки не был новаторским. А вот чем действительно выделяется Минька из всей этой вереницы «кулибиных», так это самим изобретением. Многие отечественные писатели ещё в начале XIX столетия романтизировали в своих произведениях фанатическую идею о создании вечного двигателя (например, А.С. Пушкин в «Сценах из рыцарских времён», А.Н. Островский в драме «Гроза»), но только – не Гольдебаев. В отличие от Салтыкова-Щедрина, Каронина-Петропавловского и Садовского он не стремился придать повествованию максимальную реалистичность через создание художественного образа реально существовавшей личности. Гольдебаеву, как Эртелю и Гарину-Михайловскому, достаточно было самого факта проявления стремления и способности к изобретательству у простых крестьян. Однако всё-таки ближе, чем к кому-либо из предшественников, автор «Кранта» к Салтыкову-Щедрину. Но если Салтыков-Щедрин, чувствующий, что надежды на светлое будущее нет, смеялся над несправедливостью этого мира, то Гольдебаев пытался разобраться в причинах всех жизненных неурядиц и, в частности, – в безвыходном положении честного и талантливого человека.

2.

А теперь обратимся к самому рассказу «Крант» и скажем несколько слов о его поэтике. Но прежде подчеркнём: «Крант» был написан А.К. Гольдебаевым после многочисленных уроков, преподнесённых его автору такими художниками слова, как А.П. Чехов, В.Г. Короленко, А.М. Горький, А.Р. Крандиевская и ещё некоторыми другими, в один голос указывавшими Гольдебаеву на необходимость писать так, чтобы «словам было тесно, а мыслям просторно» и т.п. Как нам представляется, может быть – и не все, но некоторые из этих уроков были автором «Кранта» усвоены, и усвоены достаточно твёрдо.

Как уже было сказано, фабула рассказа довольно проста, чего не скажешь о его «внутреннем устройстве», с точки зрения которого рассказ представляет собой нарратив в нарративе, где в качестве первого и так сказать «внешнего» нарратора выступает некто Александр Андреич (это он был призван «в качестве присяжного заседателя <...> судить ближнего», где и услышал историю Миньки-Моргуна), а вторым, «внутренним», нарратором является «один из начальников местного железнодорожного управления» Пётр Петрович Б., участвовавший в обеде у директора пивоваренного завода, где сначала было рассказано об изобретателе-самородке, а потом явился и он сам, провожавший изобретателя Миньку домой и т.д., и наконец – вновь встретивший позабывшего о Миньке и его «кранте» директора завода. Но и помимо этих двух нарраторов в структуре повествования «Кранта» есть другие – третьи, четвёртые и т.д. носители точек зрения и нарраторы со своими собственными «избытками видения» и особенностями последнего. Так, о существовании изобретателя-самородка на обеде у директора впервые упоминает некто Николай Иваныч Горлов, «один из крупных чиновников монополии, худенький такой, бледный, узколицый, с небольшим тиком в левой щеке, от которого у него рот немного перекашивается». С рассказом Горлова соглашаются (или – не соглашаются) его слушатели – директор завода и его гости, участники обеда, обладающие своими точками

зрения на происходящее. Есть своя точка зрения и у самого «самородка» – Миньки Свистунова, и он также по-своему пытается донести её до других героев и читателя. Наконец, нельзя не принять во внимания точку зрения Минькиной жены, также включённой в число не просто бессловесных героев, а героев думающих и озвучивающих свой взгляд на вещи и свою позицию. Таким образом, на страницах одного небольшого рассказа читатель «Кранта» сталкивается с семью различными трактовками предмета и проблемы, вынесенной Гольдебаевым в название его произведения – Александра Андреича, Петра Петровича Б., Николая Иваныча Горлова, директора, его гостей, Миньки-Моргун и жены последнего. Остановимся на каждой из этих точек зрения и начнём с последней из них.

Так, с точки зрения жены Миньки-Моргун крант – очередное бестолковое изобретение её мужа, которое перекрывает путь к лучшей жизни. «<...> каждую неделю шлют за ним по несколько разов то с заводов, то из депо: иди-ста, работай, два целковых, два с полтиной подённых, да выгоды от сделанных с эстолько же!.. Не желает!.. В монтеры зовут, – сто рублей жалованья, квартира, отопление, проценты от большего ремонта... Не хочет!.. А случается, что иной раз и на муку денег нет, – выпрашивать приходится», – рассказывает о своих переживаниях Свистунова Петру Петровичу Б. Свистунова была бы счастлива, если бы её муж был простым работягой, а не гением-изобретателем, и больше думал о благополучии своей семьи. Но после беседы с Петром Петровичем отношение женщины к «кранту» меняется, он как бы впускает новую струю в отношения супругов (Свистунова «быть может впервые в супружеской жизни решилась помешать работе мужа, чтобы обнять его умную голову, счастливо расцеловать его серьёзное лицо») и приоткрывает поток новой жизни.

Иначе смотрит на эти вещи Минька-Моргун. Вообще, сам он достаточно молчаливый, поэтому его отношение к действительности раскрывается больше через слова «внутреннего» нарратора Петра Петровича Б. Судя по описанию поведения Миньки, для него крант – лишь один из трофеев его интеллектуального труда. Когда Пётр Петрович подвозил после обеда изобретателя до дома, то у него сложилось впечатление, что Свистунова «не интересуется участь “кранта”». Он получил свою минуту славы, оvation и «жил уже иным, ещё незавершённым... Быть может, это был карборизатор, рассказывая о котором у директора, Минька сверкал глазами». Куда вечно торопится Минька? В свою мастерскую-лабораторию, чтобы засесть над очередным «крантом». В чём цель его изобретательских рвений? Да он и сам не знал этого. Он просто делал то, что ему нравится. При этом слесарь понимал, что его семья страдает, но при этом был замкнут только на себе и готов день и ночь корпеть над очередным изобретением.

А вот директор и его гости придерживаются иной позиции. Для них крант – просто предмет обсуждений, и не более того. Ведь у собравшихся за обедом у директора завода есть время для праздных рассуждений. «А ведь простая штука!», – выносит изначально вердикт директор. Сама личность Миньки доверия у них тоже не вызывает. Вероятно, из-за его низкого социального положения и отсутствия соответствующего образования. «Ты, малосведущий юнец, послушай людей знающих», – поучает директор. Интерес к Миньке и к его чудо-кранту увеличивался вместе с количеством выпитого. В хмельном тумане крант уже не казался директору «простой штукой», теперь он восхищённо называл его «дивным купором». Вместе с тем крант становится предметом разногласий между западниками и славянофилами: директор завода не больно-то верил в русскую смекалку, да и вообще в силу русской мысли и творческий потенциал, даже Миньку он с пренебрежением называет «этим Эдиссоном»; недоверием ко всему русскому объясняется и то, как легко из памяти директора стёрся эпизод с крантом, который помог бы ему прилично сэкономить. Оппонентами директора выступают некоторые из его гостей, убеждённые в том, что «Эдиссон» Минька может изобрести «крант», который не уступит западным аналогам.

Особый взгляд на эти вещи принадлежит герою по фамилии Горлов. Он весьма патриотичен и готов жарко отстаивать честь и достоинство любого отечественного кранта перед любой западной безделушкой. Горлов особо не вдаётся в технические характеристики чуда-изобретения, ведь, являясь крупным чиновником по монополии, он мог бы давно пристроить крант на своём винном заводе. Горлов и вспомнил пробку только во время обеда и сразу же перевёл стрелки на своего инженера-технолога. «Какое мне дело, да и с какой стати?! Но если бы он передо мной стал восхвалять какую-нибудь нахальную пробку, я бы не преминул воскипеть негодованием и ткнул бы ему под нос Минькой!». Горлов не стремится к объективной оценке, по его мнению – всё русское априори лучше западного. Тема о перспективном иностранном изобретении настолько его взволновала, что он постоянно путался, называя его то «немецкой выдумкой», то «гамбургской пробкой», то «браденбургской пустяковиной». Собственно, он и не старался запомнить страну-производителя, в его сознании существовали только Россия и все остальные страны. Чем он ничуть не отличался от гостей директора, так это отношением к самому Миньке. Как и остальные господа, он не смог смириться с мыслью, что какой-то простой необразованный мужик мог быть способнее, чем они – элита общества. «Какой, к чёрту, гений! Просто кустарь-слесарь... Замки чинить, самовары лудить, разную мелочь у наших заводских машин исправляет... Гений!.. Какой он гений!.. Просто Минька-Моргун, слесаришко!..», – бурно доказывал он заурядность Свистунова одному из участников обеда.

Точка зрения Петра Петровича Б. прямо противоположна точкам зрения всех собравшихся. Ему крант абсолютно безразличен (он не понял «специфического восторга по поводу какой-то затычки»), а вот персона самого изобретателя трогает его до глубины души («Вот счастливец, которому должны бы завидовать все мы, не знающие ни его трудов, ни его лишений; вот чудо, которое выше и драгоценнее всех чудесных изобретений своих и чужих, – вот человек, хранящий в наше холодное время искру Божию!..»). Только Пётр Петрович и разглядел в Миньке человека, а не просто «слесаришко». Вообще, личность Петра Петровича стоит как бы особняком в этом рассказе. Складывается ощущение, что он сам не понимает, как и зачем оказался на званом ужине. Пётр Петрович молча выпивает, слушает пустые пьяные разговоры. Вся эта пошлость его утомила, поэтому, «увидев, что подъём патриотизма вызывает появление новых бутылок», поспешил откланяться. Минька и его семья настолько запали в душу Петру Петровичу, что крант символизирует для него гибель личности (не зря Пётр Петрович, покидая дом изобретателя, думает об искре Божьей «уже без доброй зависти, а с тоской, тяжёлой, как земля могильная...») и ассоциируется со словом «кранты» – всё, конец семье Свистуновых.

Наконец, сам рассказчик, Александр Андреич, придерживается мнения, что «русский человек никогда не чувствует себя так высоко, светло, человечески разумно, как в роли совестного судьи, призванного самим законом совершать гражданское служение, безбоязненно мыслить, свободно меняться мнениями, открыто и независимо подавать свою задушевную лепту на благо общее...». Он причисляет себя к людям «наиболее интеллигентным», чем крестьяне, мещане и купцы. Для Александра Андреича нет большей отрады, чем вершить правосудие, причём делает он это не столько для восстановления справедливости, сколько для своего развлечения. По сути, присяжных заседателей – проекция того самого ужина у директора. Обе компании во многом похожи – высокомерны и берут на себя роль распорядителей простых человеческих судеб, а крант для них просто предмет обсуждений. Но для Александра Андреича крант – ещё и счастливый билет в «судебной лотерее». «Слепая богиня правосудия упорно извлекала билетики» с именами других присяжных заседателей и не давала Александру Андреичу возможность засудить кого-нибудь. А Пётр Петрович, рассказав приятелю всю историю, ждал его вердикта (он дал возможность снова вынести приговор): «Уж не различие ли по существу между русским человеком и "иностранцем"»

– причина гибели кранта? Но и здесь крант оказался не у дел. Александр Андрейч не успел ответить на вопрос коллеги, его, наконец, «вынули» и призвали разобраться в реальном деле, а не в этом кранте, тему которого он так и не смог закрыть.

Таким образом, мы видим, что с точки зрения своего «внутреннего устройства» рассказ «Крант» сам представляет собой некую «действительно чудную вещь», «крант», позволяющий смешать разные точки зрения и запирающий их все повисшим в воздухе вопросом Петра Петровича Б., остающимся без ответа рассказчика – Александра Андрейча, удалившегося, чтобы «судить ближнего», и продолжающимся в читателе, который, по задумке автора, А.К. Гольдебаева, должен стать не тем, кто закроет этот «крант»-вопрос, а тем, кто, напротив, откроет его до предела и, может быть, отыщет свой ответ на вопрос «в чём причина?».

3.

А завершим мы это исследование «изобретательского нарратива» в творчестве А.К. Гольдебаева биографическим сюжетом, также связанным с изобретательством, интересовавшим писателя на протяжении всей его жизни, о чём свидетельствует не только творчество, но и сохранившаяся переписка с современниками, среди которой особо выделяется одна линия, прямо выводящая на этот интерес Гольдебаева и демонстрирующая значимость для него сюжета изобретательства и тесно связанных с ним гениев-самородков.

В архиве А.К. Гольдебаева, частично переданном его потомками сразу после его кончины в Государственный литературный музей и сегодня хранящемся в РГАЛИ, а частично – совсем недавно поступившем в фонды Самарского литературного музея, сохранилось несколько писем от некоего КИ. Елфимова, достаточно часто обращавшегося к своему адресату с просьбами о хлопотах, связанных с продвижением его изобретений различного рода.

Так, в одном из таких писем, датированном 30 января 1922 года, К.И. Елфимов сообщил о ходе некоего дела, связанного с заливом Кара-Богаз-Гол на западе Туркменистана [Судя по всему, этот же вопрос обсуждался между К.И. Елфимовым и А.К. Гольдебаевым и ранее – во время личных встреч или в не дошедших до нас письмах. Известно, что в августе 1921 года в «Правде» увидела свет статья Гольдебаева «Наши богатства», в которой были приведены материалы из письма участника специальной экспедиции в район Кара-Богаз-Гол. В статье говорилось о том, что в Кара-Богазском заливе имеются громадные сырьевые запасы, так необходимые молодой республике. Известно также, что спустя три или четыре дня после выхода этого номера «Правды» В.И. Ленин сделал запрос в редакцию: «...я бы просил передать автору или сообщить ему через газету, что мне очень важно иметь подробные сведения как о том, насколько технически подготовлен к этому вопросу автор, так и то, как долго он изучал вопрос на месте»²]:

«О Корабугазии дело обстоит следующем образом: был я здесь <у Курнакова>, поговорил кой о чём об этом деле и только. Был, между прочим, в комиссии по выработке условий конкурса на изобретение установки для сушки солнечной теплотой <...>. Работали мы почти только двое с Курнаковым, остальные члены почти «присутствовали». Пишу доклад с возбужденным <...> не шибко. Голова от болезни сильно пострадала. Слишком скоро утомляется и от занятий болит. Но все же дело подвигается. Работы много. <...> Я устал тоже. Мне хочется предложить кое-что. Они сильнее меня специалисты, но чувствует сердце, что и я в грязь лицом не ударю. <Жаль> только, что тов<арищ> Горбунов может подумать Бог знает что. Приехали мол, обещали, как крыловская синица, море зажечь, да и оконфузились. Вместе с тем и Мария Ильинична будет, вероятно, удивлена моим молчанием. Хоть, между прочим, я тогда написал к

² Ленин В. И. Полное собр. соч. Том 53. С.203.

Горбунову, что сильно заболел. Из экспедиции приехали сюда посланцы и уже уехали обратно за Корабугазии. К<...> ищет инженера для заведования работами на Корабугазии. Предлагает десять рублей золотом в день, и никто не идет. Оттуда инженер бежит “отдохнуть” сюда. Им непременно нужен человек с дипломом, хотя бы какой-нибудь. <...> Я начинаю думать, что дело обречено на неудачу. Это или тонкий саботаж, или профессорское <...> Посмотрим, как будет принят мой доклад. Не пришлось бы на этом деле ставить крест. Иначе придётся брать на себя ответственность, не будучи в состоянии поправить дело в сторону его рентабельности. Рассказывает К<...>в, что на Корабугазии экспедиция голодала за невысылкой ей денег. <...> оттуда бегут. Шлихтерн <...> очень давно гостил в <Гельсинфорсе>, но он у меня не был. Очевидно, письмо до него не дошло, или он уже уехал. Меня семья усиленно уговаривает остаться здесь: хоть какое-нибудь место. Но я сильно брыкаюсь и <...> буду бить на то, чтобы ехать к Корабугазии, несмотря на то, что получил оттуда такие неприятные сведения» [Все письма предоставлены правнучкой А.К. Гольдебаева Н.Л. Белл, за что авторы статьи выносят ей сердечную благодарность].

Вслед за этим, спустя меньше месяца, К.И. Елфимов так описывал свои «изобретательские хлопоты»:

«Здорово друг, Кондратьевич! На днях я выслал свой большой доклад о Корабугазе тов<арищу> Горбунову. В понедельник на настоящей неделе он успел его получить. Вслед за тем вышлю такой же на твоё имя. Это я делаю для того, чтобы ввести тебя в курс дела. Ты этот доклад пошли по указанию тов<арища> Лациса, вероятнее всего, в Технический совет ВСНХоза. Адрес тов<арища> Лациса – 1-й дом Советов, телефон № 2-06-82. Служебный – Ильинка, дом № 7, Горный Совет. Лучше всего попытайся сговориться с ним по телефону в неслужебное время. Скажи ему, что я был у него с запиской от Горбунова в конце ноября. Он меня направил к заведующему Главсолю. Тот просил конкретизировать моё предложение в виде доклада и подать его в Технический совет ВСНХоза. <...> дело примет, очевидно, затяжной характер, и мне <...> придётся, вероятно, ждать немало времени. А дело не ждёт. Если с моими предложениями согласятся, то нужно успеть этой весной вначале выбрать баржи и пароход и перебросить их на Карабугаз и там обсушить, пока там стоит высокая вода. Летом это будет сопряжено с громадными расходами. Я в препроводительной бумаге при докладе говорил об этом тов<арищу> Горбунову <...> Далее – я вышлю тебе отчёт в израсходовании взятого мной аванса (300 тыс<яч> р<ублей>). Его нужно передать в ВСНХоз заместителю академика Иппатьева тов<арищу> Аккерман, – он, вероятно, направит его в финансово-счётный отдел. Кабинет Иппатьева – комната № 2, рядом с кабинетом председателя ВСНХ Хозяйства. Я им не высылаю его почтой, потому что как бы не засовать, а затем уже заодно с докладом. А знаешь, Кондратьевич, не испортил ли ты наших отношений с Горбуновым своим выговором ему в твоей записке при моей анкете, где ты поставил упрёк в том, что он не интересовался узнать о моём здоровье и о том, имею ли я где голову приклонить? Всё же ведь это – большое начальство, и во всяком случае представитель советской знати. Они ведь не шибко любят это. Работа моя по «солям» Карабугаза <...> сильно вперёд. Какая тут ширь – простор для моего творчества и инициативы. Является приятное сознание, что здесь возможно <...> всё то, что я накопил за целую длинную свою жизнь. Жаль только, что обстановка и люди не совсем благоприятствуют мне. Возможно, все эти академики и прочее начальство не страдают чрезмерной преданностью советскому строю, и, как я подметил, чего-то ждут. Это люди, чающие уважения <...>. Впрочем, я, может быть, и ошибаюсь, но всё же что-то вертится».

25 февраля 1922 года, извинившись за то, что он «сильно затрудняет» адресата письма своим докладом («Я его мог просто направить по принадлежности, но мне хочется, чтобы ты, прежде всего, был в курсе дела и что-нибудь извлёк из него»), автор письма сообщает, что «докладище получился большой, и это только часть того, что уже

мною задумано», после чего даёт ряд поручений и оговаривается, что их выполнение обернётся достижением для них обеих некой заветной мечты о «юге»:

«Посылаю тебе ещё бумаги для предоставления по принадлежности. Адреса: академик Иппатьев – ВСНХоз комната № 2 (кажется); Лацис и Главсоль – Ильинская, № 7, отделение Горного совета (против Горного Совета); Финансово-счётный отдел – не помню, и Технический совет ВСНХ – тоже не помню. Там в ВСНХозе скажут. Мне не всегда удаётся следить за газетами. Вперёд дня за два-три послал тебе письмо, ещё предупредил о посылке (грядущей) тебе доклада <...> Доклад спросишь в Главсоли, куда отдать, и пусть дадут входящий номер. Старайся, дружище, – это второй шаг на юг. Конечно, не одного меня. Я буду стараться тебя забрать с собой». Интересен и постскрипtum к письму, также содержащий поручение «проследить в газетах – будет объявлен конкурс на изобретение способа и установки для подсушивания сульфитом натрия, <...> пришли вырезку мне».

Год спустя, в феврале 1923 года А.К. Гольдебаев снова получил от К.И. Елфимова письмо, в котором речь шла уже не об изобретениях, связанных с добычей соли, а об изобретениях в области авиационной техники:

«Это только кажется фантазией, также, как до сих пор казался таковой же полуторасотпудовый Юнкерс. Всё дело в точном подсчёте всех факторов и добросовестном выполнении разработанного плана. Такой аэроплан-геликоптер может подниматься с любого места и подниматься очень скоро, в особенности, если ему дать мои новейшие моторы. Кстати, тебе скажу, что в этом, задуманном мною моём детище я применяю старую залежавшуюся мою работу из «запаса», или, как я его тогда назвал, из «склада» с 1908-го года. Чертежи случайно сохранились, только мыши подъели одну сторону. Думаю, пустить так. Срамотно немного, да уж очень не время теперь перечерчивать то. Много очень предстоит разно работы. Так вот, голубчик Кондратьевич, только при такой постановке дела защиты можно надеяться отстоять нашу свободу от рабства заграничного капитала. Я представляю себе картину <...> по этому плану защиты: по окружности Европы в 50 имеется сеть автобаз. Тревога по телефону. «Вдруг там поднимаются красные воздушные защитники и, пока летят посланные дирижаблем-маткой аэропланы для истребления красных защитников, те уже будут на достаточной высоте, чтобы достойно встретить врага, да и саму матку-то могут достать. Повторяю, это возможно будет сделать только в случае, если наши моторы будут лучше значительно моторов наших врагов. Это вполне возможно, потому что тяжеловесная мысль иностранца, наверное, не ближе, чем через пять лет, доберётся до нового цикла рабочего процесса (уж очень смела)».

Сообщив Гольдебаеву о своих планах, автор письма вновь не преминул обременить его просьбами о хлопотах:

«Так вот, Кондратьевич, теперь примусь за тебя. Начинай, брат, компанию. Хлопочи. Помнишь наш уговор? Прежде всего проследи, получил ли комитет адресованную ему посылку (адрес его: Маросейка, № 4), а также – получило ли Главное управление военной промышленности свою посылку? Побывай у Смирнова Ивана Николаевича и переговори. Может быть, растревожишь Марию Ильинишну. Словом, делай всё, что хочешь и сумеешь сделать, ты ведь у меня на этот счёт учиться не будешь. Сделай и отпечатай выборку всего, что найдёшь необходимым из моего письма, только помни, что это всё же только <...>. Постарайся не поставить меня в положение перпетуммобилиста, хоть это теперь не так легко сделать. Я, чтобы <...> такого обо мне заключения в описании, приложенном к чертежам, привёл несколько этюдов расчёта (теплового) рабочего процесса и составил сравнительную таблицу мощности и экономичности моего мотора и обыкновенного для трёх случаев: для работы на земле; для работы на высоте 2660 метров при барометрическом давлении в 550 миллиметров ртутного столба вместо 760 миллиметров на поверхности; для работы на той же высоте, но без турбовентилятора (во втором случае с турбовентилятором). Жаль, я не догадался

сделать таблицу для тебя, но если нужно, вышло. Теперь о практическом выполнении мною уже предложенного. Первое дело, конечно, опыт, на котором я должен наказать свою резвость, говоря языком тотализатора. Мне это рисуется в следующем виде: мне дают, хотя бы с автомобильных кладбищ, подходящий мотор (я выбираю). Я его отремонтирую, и мы его в комиссии испытаем и составим акт. Затем я его переделаю на свою систему, и мы его опять испытываем, опять в комиссии, и составляем опять акт. Таким образом, я дам автомобиль с двигателем, приближающимся к моей системе, а государство на опыт израсходует – грош. А далее пойдёт уже усиленным темпом выработка новых или переделка уже имеющихся в руках автомобилистов двигателей на мою систему. На указанный опыт меня должны обставить достойными техническими и финансовыми средствами (думаю, что <...> Москву же я поеду лишь по получении предложения и средств к выполнению опыта)».

Последнее письмо К.И. Елфимова к А.К. Гольдебаеву датировано нами сентябрём 1923 года, и в нём вновь идёт речь об изобретениях «авиационного профиля»:

«Здорово дружище Кондратьевич!

После долгого молчания позволь тебе написать о себе. Не пугайся, я буду очень умерен.

Наконец-то я эту работу кончил. Позавчера отправил ценную посылку в комитет по делам изобретений почтой по квитанции № 200 от 22 сентября с<его> г<ода>. В посылке три чертежа моих машин и три экземпляра описаний по три листа каждое, с заказным уведомлением (обратная расписка в получении) и документами. Сегодня, 25-го, отправляю ценной посылкой ещё в Главное управление военной промышленности ВСНХ в отдел IV (Автоотдел) по почтовой квитанции № 206 от 25 сентября с<его> г<ода> один чертёж и одно описание на три листа с письмом. И на этом пока ставлю точку. Посмотрю, как они (мы и они?) отнесутся к моей работе, а дал я им много, страшно много (перечислю ниже свои доблести). Будет ли проявлена честная серьёзная критика или ограничатся утверждением какого-либо легковесного заключения со стороны саботирующего профессора или инженера, признанного по присущей нашим революционным генералам неопытности за самый настоящий авторитет в этом деле, как это было относительно Карабугаза?

Тогда я ожидал серьёзного, соответствующего серьёзности положения и вопроса не заключения и утверждённого неопытного в этом деле управделами ЦСКхоза, а копию с постановления технического совета ЦСКхозы о том, что подобное предложение обсуждалось ранее и найдено неосуществимым по нижеследующим причинам. То есть, попросту говоря, «ты, мол, опоздал». А то дали своё: «в предложении нет ничего нового» и пр<очее>. Я, чтобы не дразнить гусей, преднамеренно не ввёл нового, чтобы они в паническом ужасе от всего нового, полезного для республики, не полезли на стены. Что же оказалось? Кто же оказался прав? Они или я? Где их успехи? Где теперь их комиссия с её заводом в Баку для переработки глауберовой соли <...>? Всё это пошло прахом. Сколько стоила триллионов эта <...>? Кто за это ответил перед судом пролетарского общества? <...>, наверное, до сих пор сидит на своих местах и на наши предложения даёт свои «заключения», утверждённые каким-нибудь неопытным в этих тонкостях новым <...> товарищем.

Во всём этом больше всех оказались на высоте положения тов<арищ> Н.П. Горбунов и я. Разве не мог дать я, как изобретатель, у которого, можно сказать, всё нутро-то состоит из одного «нового»? <...>

На днях у меня был один безработный инженер-химик, специалист по окраске тканей. Он теперь работает как инструктор в одном частном предприятии, промышленяющем перекраской старого, по преимуществу, носильного платья. Теперь таких заведений здесь открылось много. Он меня просил чуть ли не Христа ради указать, где можно достать глауберовой соли для высаливания красок из раствора <...> (он слышал, что я работал по вопросу о Карабугазе). Им её нужно очень много, а в продаже только

граммы. Да, я, грешный человек, пустил бы не одну сотню пудов в мыловарение, чтобы вместе с подмыльным щёлоком не пропадал и глицерин. Его ведь в продаже нет, и цена его баснословна.

Такого «нового» я мог бы предложить очень много. Вот как у нас проваливаются дела, имеющие общегосударственное значение (где обещанные управделом ЦСКхоза калийные соли для удобрения? Их тоже нет и не будет.

Перейду к моему последнему делу. Я дал в моём способе <...> авиационных моторов 9-ть символов <...> не скажу веры, а убеждений: 1) к примеру, на 300 сил обыкновенного устройства моторов даю или лишних 50 сил при ½ пуде экономии бензина в час, или экономии в час бензина 1 ½ пуда; 2) возможность работы не только на бензине, но и на керосине, нефти без потери мощности авиационного мотора; 3) возможность применения <...> двигателей <...> на нефти; 4) возможность более производительной службы мотора (двойной срок); 5) возможность сберечь мотор <...> при холостом ходе и малой нагрузке; 6) возможность работать на моторе и в случае ненормального нагрева цилиндров (по недосмотру за охлаждением), при пониженном сжатии <...>, чтобы лишь только добраться до положения полной безопасности и возможного охлаждения цилиндра, – очень важно для авиации и <...> дела; 7) возможность переделки на новую систему многих систем старых и уже <...>; 8) возможность работать без электрического воспламенения заряда, путём самовоспламенения заряда от теплоты сжатия (пуск в ход – обыкновенный, после разогрева машины, увеличение сжатия до самовоспламенения, но не слишком раннего). Важно сжатие только на случай порчи органов воспламенения, – причины большинства несчастий с авиаторами; 9) возможность более тщательного и всестороннего изучения мотора практиками, доступная до сих пор только избранныкам из мира науки и в нашей технике в их механических лабораториях.

Это я даю «пока», дальше придумаю ещё, что можно извлечь полезного из моей машины.

Теперь перейду к тому «новому», чем занята моя голова в данное время. Но прежде всего несколько соображений общего характера о нашем положении в «капиталистическом окружении». Как я уже тебе писал, на наше положение в отношении безопасности на случай войны, я при современном нашем авиационном вооружении смотрю пессимистически. Ведь достаточно выслать во время войны только одну эскадрилью с одним дирижаблем в 100000 кубических метров ёмкости, поднимающем около 1 ½ тысяч пудов полезного груза, во главе, и 5-6 аэропланов, и мы с нашими аэропланами окажемся в беспомощном положении. Находясь на недостижимой для наших снарядов высоте, эскадрилья не даст возможности «ввинтить себя» на надлежащую высоту, чтобы отразить атаку нашим аэропланом. Получится то, что происходило у меня на глазах в Астрахани, когда английские лётчики с высоты расстреляли наши аэропланы, как галок, из пулемётов; наши же снаряды <...>, глядя с земли, где-то поблизости, но на самом деле чуть ли не на 1000 метров ниже. Тогда может наступить момент сдачи на милость победителя, иначе наши «гиганты» «Красный Путиловец» и другие большие заводы, а также и имеющий скоро открыться «Волховстрой», имеющий нам дать 250 тысяч киловатт энергии для наших заводов и нам – тепла и света, будут превращены в груды развалин.

Получится картина: история древнего Египта оставила нам памятник – пирамиду Хеопса, над которым целое поколение людей этого царя, часто доходя до нищеты и голода, работала свой век, и мы оставим своим потомкам пирамиду из мусора от наших сооружений имени... ну, как там хочешь назови. Это более реально, чем мы обычно думаем. Этому доказательством, между прочим, служит то, что заграничная буржуазия не <...> работать со своими котлами. Все разговоры о «риске», как причине этого, не стоят ломаного гроша. Ведь идёт же капитал в Индию, Мексику и т<ому> п<одобное>. Разве уж будущность этих стран настолько известна, что можно принять к счёту все факторы риска? Я не раз участвовал в промышленно-торговых предприятиях и знаю, что делает

капитал в подобном положении. Просто начисляется излишний процент на себестоимость, и срок полной амортизации капитала значительно сокращается, то есть, попросту говоря, «снимаются сливки». А разве мы им мало предлагаем «сливок»? Просто капитал надеется на свою военно-техническую мощь (главным образом, того, чего у нас нет, то есть авиации) и знает, что можно выждать окончательной готовности аппарата (опыты с эскадрильями указанного типа ещё не закончены в Англии и Америке) и потом взять на «милость».

Вот теперь мы и должны найти ахиллесову пяту нашего спасения и спасения социальной революции всего человечества. По моему мнению, раз мы решили оставить ценное и редкое техническое образование наших <...> в Петрограде и можно и не эвакуировать их вглубь страны, то мы должны иметь более совершенное оружие, чем наши враги, хотя бы для успешной самообороны. Вот в этом направлении и работает теперь моя голова. То, что я передал Главному управлению военной промышленности, есть, безусловно, громадное наше преимущество, но этого мало. Это они путём подкупа у нас выудят (везде же шныряют агенты и наши интервенты). Так вот я в этом направлении сработал на двух путях.

Первый – это то, что я назвал в своём письме в Главное управление военной промышленности очень глухо, ничего или мало дающее возможности <...> (вору чужих идей) позаимствоваться. Тут дело в следующем: чтобы придать мотору наибольшую весовую мощность (сила в одно килограмме его веса), мы можем это сделать, совершая рабочий процесс газов в цилиндре по двум циклам: по циклу простых машин взрывных, какими теперь являются все употребляемые в авиации, и по типу цикла дизеля. По тому и другому техника дошла до предела возможностей, идти далее – значит получать невероятные давления в цилиндре, каковые получаются очень тяжёлыми, что недопустимо в авиации. «Раз мешает цикл, так я его сломаю», – сказал я себе и придумал новый цикл (чисто-обратная научная антиномия). Пусть только не пугаются наши публики необычайной смелости мысли и не рискуют обзывать меня перпетуммобелистом. По этому циклу работает очень распространённый тип двигателей, изготовляемых у нас Сормовским заводом и в Америке одной фирмой. Только в этом моторе наука объясняла работу неправильно, не по тому циклу, что в действительности выполняет машина. Я только разгадал эту загадку, и нашёлся действительный цикл, так что капризы этой машины получили совершенно ясное объяснение, а не то, что давала наука по поводу этих ненормальностей при малой нагрузке машины (наука даёт очень туманное объяснение этим фактам). Моя заслуга только в том, что, как я уже говорил, разгадал его суть (цикла) и затем довёл его до логического конца, чем и получил для авиации подходящее решение задачи.

Словом, работа по этому циклу даёт увеличение мощности очень значительное. Но украсть секрет работы машины нельзя. Будет знать только конструктор. Это легко сохранять как военную тайну. Я тебе назову кривые, которые ограничивают <...> этого цикла. Впрочем, что это я... Ведь ты в этом ничего не понимаешь, а при разговоре там с другим можешь перепутать наши кривые <...>, изобары и изотермы. Лучше тебе скажу, что это громадный шаг через доступные технике до сих пор возможности и границы. Вот в процессе выполнения только что отосланной мною работы я это всё обдумал.

Второе – это тоже целая категория построений высшего порядка. Дело в том, чтобы аэроплан мог бы быть недоступным средствам защиты, он, кроме того, чтобы нести на себе достаточный груз средств защиты и нападения, должен возможно скорее подняться, то есть ввинтить себя на известную высоту по наклонной линии. И так он себя ввинчивает минут двадцать, то есть такой громадный промежуток времени, в какой его всегда можно сверху расстрелять из пулемёта. Совершенно другое было бы, если бы он мог подниматься по отвесу. В газеты проникли сведения, что англичане в Шотландии, в глубокой тайне, производят опытные вертолеты особой системы (вертолет – вращающийся крыло прибор). Попытки создать вертолет до сих пор разбивались о

неприменимости существующих пропеллеров к горизонтальному перемещению системы, вследствие больших потерь вертикального винта при горизонтальном перемещении. Так вот я придумал это применение для особого гребного винта английского изобретения, сделанного совершенно для другой цели и работающего там десятки лет. Теперь я сконструировал вчерне аэроплан-геликоптер, поднимающийся без разбега вверх и уже там приобретающий свойственные ему <...> ход и скорость. Преимущества его очевидны. Ему жёсткая площадка нужна только для спуска, да и то, пока авиатор не привыкнет управлять надлежаще новой машиной.

Повторяю, что теперь-то, наверное, я заслужил быть освобождённым от разовой технической работы чисто ремесленного пошиба, отнимающей у меня так много необходимого для <...> времени, а эту работу с удовольствием будут исполнять изголодавшиеся безработные».

Кроме этих нескольких писем К.И. Елфимова к А.К. Гольдебаеву о первом из них почти ничего не известно [В сети Интернет имеются сведения о фонде конструктора-изобретателя К.И. Елфимова (1880-1932), хранящемся в Российском государственном архиве экономики и содержащем документы об изобретательской деятельности по двигателям внутреннего сгорания, паровым машинам и др., переписку с учреждениями и частными лицами о выдаче патентов и внедрении изобретений и биографические документы (Ф. 9501, 57 единиц хранения)]. В других письмах А.К. Гольдебаева имеются небольшие упоминания о нём, как, например, в письме сыну, Ю.А. Семёнову от 27 ноября 1921 года («Больше недели жил у нас, проездом из Баку в Питер, к семье, Константин Ильич Елфимов; приехал больным, в Москве ещё сильнее расхворался, три дня, – четверг, пятница, суббота, – ходил я провожать его: так трудно уехать теперь! – наконец-то удалось...»), позволяющие сделать вывод о том, что К.И. Елфимов был знаком не только Гольдебаеву, но и его близким. Есть упоминание о К.И. Елфимове и в письме А.К. Гольдебаева к его сыну от первого брака В.М. Чагину, посетившему его в Москве в начале 1920-х. «Какого ты мнения об изобретениях Ильича, Володя? – спрашивает в этом письме Гольдебаев. – Он снова стал наседать на меня с поручениями. А я совсем не техник, могу ценить его лишь как хорошего человека и хлопотать за него исключительно лишь по старой симпатии к нему лично... Но будет ли (меж нами говоря) толк какой-нибудь из всех наших хлопот? Ты более меня компетентен, сам изобретатель, напиши, какое он производит на тебя впечатление. Он же мне шлёт сожжённые письма об изобретениях и о своих испанских замках».

«Будет ли <...> толк какой-нибудь из всех наших хлопот?» – этот вопрос, разумеется, беспокоил А.К. Гольдебаева, тем более что хлопоты, о которых просил его «хороший человек» К.И. Елфимов, были достаточно трудоёмкими и в смысле времени, и в смысле требующихся от него дипломатических усилий. О том же, что он и в самом деле хлопотал, можно судить по такому фрагменту единственного сохранившегося ответного письма Гольдебаева к Елфимову:

«Дорогой старый друг Ильич! <...>

Был я перво-наперво у Лациса: горячий сторонник военной авиации; член правления соответственного общества: “Ни уха, ни рыла я не понимаю, хотя и состою членом правления. А вот вам записка к Смирнову, Ивану Никитичу: он заведует всеми постройками аэропланов и даст вам всё, что ведаёт сам”.

Был я у Смирнова, – вынес то приятное впечатление, что товарищ этот не имеет и тени той комиссарской устремительности, которая у недалеких невежд с успехом замещает ум и знания: внимательный и деловой человек. Выслушал меня спокойно, выразил опасение, что ряды изобретателей переполнены перпетуум-мобилями, высказался, что патенты у Внешторга за граница покупать отнюдь не станет. Последний пункт оставим, пока что, открытым: похожу, да позондирую, как оно и что насчет экспорта, а ты, тем временем, подготовишь фактурку пополюе и мне вышлешь (а может, и привезешь, если согласишься с дальнейшим продолжением моих походов и

связанных с ними размышлений); пункт же о перпетуум-мобилистах я предвидел и, – чтобы хоть что-нибудь иметь для возражений на него, – списался с Володей, который мне прислал свой отзыв, приводимый здесь слово в слово: “Какого я мнения об изобретениях Константина Ильича? – Константин Ильич, поскольку я могу судить, действительно знает свое дело до тонкости, имеет большую практику в изобретательской деятельности (он мне показывал некоторые из его патентов) и может в будущем много сделать в этой области (он делился со мной некоторыми из своих мыслей, ещё ревниво вынашиваемыми). Но я должен сказать, что мало ещё что-нибудь изобрести, нужно это изобретение провести в жизнь, помимо всякого удачного конструирования. Пример: изобретатель швейной машины системы Зингер так и остался неизвестным свету, тогда как Зингер пожал все плоды; то же относительно Браунинга и т<ак> д<алее> и т<ак> д<алее>”.

Вот это место, за неимением ничего лучшего, я и прочитал т<оварищу> Смирнову, предварительно признавшись, что я, литератор, ничего не ведаю в технике, почему и нашёл нужным запросить мнение о д н о г о э л е к т р о т е х н и к а, который жил в Питере, знает т<оварища> Елфимова и лучше меня может судить, перпетуум-мобилист он или же надежный изобретатель. Тогда т<оварищ> Смирнов сказал: “В конструкторах мы страшно нуждаемся, и конструкторов, к сожалению, у нас нет. Так что если т<оварищ> Елфимов уверен, что сумеет доказать основательность своих усовершенствований перед нашей комиссией специалистов, то было бы для обеих сторон хорошо приехать ему сюда и прочитать у нас кое-что из своих проектов. Мы ещё недавно дали полтора триллиона на постройку модели одного усовершенствования, и, находясь, в центре одного из существеннейших вопросов республики, денег не жалеем на дельные работы вообще. Напишите ему”.

- Вопрос маленький, но существенно-практический, т<оварищ> Смирнов: где он будет жить, когда приедет в Москву?

- Отдельных квартир у нас пока ещё нет, но мы дадим ему комнату в общежитии. А там...

Вот я и пишу, а что из этого “пишу” ты извлечешь, – дело твоё, друг Ильич.

Когда я, уходя от Ивана Никитича, потянулся за тщательно перебелённой “фактурой”, он прикрыл её рукой и сказал: А это уж вы оставьте у меня.

Там, в копии, – адреса, твой, питерский, и мой; там и выдержка из письма, где ты говоришь о “пыльных” ящиках с 25-ю номерами изобретений.

Теперь мои размышления.

Не лучше ли, на самом деле, тебе, Ильич, перебраться в Москву, зарекомендовав себя предварительно, разумеется, перед верховным центром авиации? Ведь если ты будешь признан нужным, то и сомнений быть не может в том, что дадут тебе и средства, и обстановку, – лабораторию, мастерскую, аппараты, инструмент, канцелярские средства и принадлежности, – всё, одним словом, что ты поставишь в условия твоего рабочего комфорта, вплоть до квартиры, мало-мальски поместительной, тёплой и удобной. А то что же это, головушка? – машинки даже у тебя пишущей нет, письма с копией написать не на чем! У меня, – на что цыган, – а и то, видишь – машинка (чужая, правда, казённая, не волосок владения), и я всегда могу справиться, что кому когда писал. Да и вообще, – немало, думаю я, выходит и по самому делу неудобств, когда чертежи, планы, формулы, цифры на месяц мешают возможности п о д у м а т ь даже о деловом письме, опасаясь, и с полным основанием опасаясь, прервать процесс идейного труда. Нужен же, наконец, человек, – а то и два и три, – который гарантировал бы непрерывность этой твоей мозговой работы, будучи в курсе дела, как говорится, – писал бы, ходил бы, регистрировал бы твои сношения с деловыми «местами и лицами», – вёл бы порядок, одним словом.

И вот, друг Ильич, если ты надеешься в той же степени на себя, как мой Володя, мнение которого сослужило мне такую службу у Ивана Никитича (чай поди, подумал, – бог весть какой авторитет этот мой э л е к т р и к !), то кати сюда с лучшими твоими

проектами под мышкой, читай их, защищай, – поддержим, если понадобится, в «Правде», конечно, совместно, – куда как ловко выйдет, думаю, если буду писать под твою диктовку! И, буде полюбишься, – перебирайся-ка, старина, в Москву. Я всё думаю, что там, в Питере, ты духовно – один, как тын в плетне, – не с кем и душу отвести, освежиться. А моя литература мало потер<яла> бы от работы с тобой, – если, конечно, меня выберешь ты в ходоки-помогалы: времени, думаю, останется у меня и на романы мои.

А если найдут в верхах, что тебя нужно поставить в благоприятные для работы условия, то не жмись и не съезживайся, выговаривая условия: требуй и квартиру поместительную (кабинет, мол там, лаборатория, канцелярия кое какая, помещения для себя и сотрудников, кухня, ванна и т<ому> п<одобное>). Завели бы бабу, стряпать, белье вести, убирать и всё прочее.

Ну, впрочем, – будет пока что. Пиши. Да не веди, пожалуйста, времени! А то изноешься весь, ожидая от тебя ответов, что ни раз. Я, видишь, – раз, два, и – готово! По-американски! Жму руку».

Итак, о чём свидетельствуют эта переписка и то довольно-таки горячее участие, которое принимал «литератор» Гольдебаев в судьбе «перпетуум-мобилиста» Елфимова?

На наш взгляд, речь здесь должна идти о следующем. Да, А.К. Гольдебаев в самом деле был «литератором, ничего не ведающим в технике», и не скрывал этого, подчёркивая и в письме к сыну, и в разговоре с чиновником соответствующего ведомства. Но при этом тот же самый А.К. Гольдебаев был человеком, который очень не хотел и даже боялся из-за собственного невежества пропустить нечто, что могло бы принести пользу миру и человечеству, а быть может – и спасти этот мир от внешней или внутренней угрозы, а возможно – и от Апокалипсиса, наступающего, в том числе, и по причине взаимной человеческой глухоты, нежелания и неспособности услышать друг друга и увидеть мир без брошенной на него сетки собственных и чужих предубеждений. Именно она, эта сетка, неоправданно путающаяся в отношениях людей друг с другом и с миром, мешающая рассмотреть в ближнем самородка, и стала главной причиной невостребованности Миньки-Моргуна и его изобретения в «Кранте». Она же и её тотальная власть помешали, как считал автор «Кранта», быть востребованными «соляным» и «авиационным» изобретениям «перпетуум-мобилиста», осаждающего его «сожжёнными письмами об изобретениях и о своих испанских замках». Иначе как объяснить ту заинтересованную серьёзность, с которой старый дружище «Кондратьич» встречал эти письма, а, встретив их, шёл обивать пороги высоких кабинетов, включая порог упоминаемой в письмах К.И. Елфимова «Марии Ильиничны» – М.И. Ульяновой?

Мир, окружавший «литератора» Гольдебаева, был далёк от совершенства – и сомневаться в этом значило бы совершать очень большую ошибку. Но мир, окружавший его, казалось «литератору» Гольдебаеву, способен быть усовершенствованным Минькой-Моргуном и «перпетуум-мобилюстом» Елфимовым, талантливыми самородками, помочь пробиться и быть услышанными которым должны такие, как он, автор «Кранта» и «совсем не техник» А.К. Гольдебаев.

Список литературы

1. Гарин-Михайловский Н.Г. Собрание сочинений. Т. V. СПб.: Труд, 1908.
2. Гольдебаев А.К. Рассказы. Том 3. Санкт-Петербург: Издание М.И. Семёнова, 1911.
3. Каронин-Петропаловский Н.Е. Perpetuum mobile // Сочинение в 2-х томах. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1958. С. 19-36.
4. Садовский Б.А. Великодушный жених, 1911 [Электронный ресурс] URL: <http://www.sadovskoi.ru/prose/velikodushnyy-zhenih2.html> (дата обращения 16.04.2020).

5. Салтыков-Щедрин М.Е. Современная идиллия // Собрание сочинений в 20 томах. Т. 15. М.: Художественная литература, 1973.
6. Эртель А.И. Записки Степняка. М: Правда, 1989.

ФЕЛЬЕТОНЫ ЛЕМА¹

Пёрцген И.

Бременский университет, г. Бремен, Германия, профессор

1. Эссе и фельетоны Станислава Лема: введение

Нет ничего более мимолетного, чем будущее. Фантастические проекты будущего, которые встречаются в научной фантастике, быстро теряют актуальность из-за технического прогресса и социальных изменений. Отличительной чертой авторов научной фантастики считается предвидение, реализованное в их произведениях. Такие комментарии можно также найти в изобилии о Станиславе Леме. В то же время в его работах достаточно аспектов, которые сегодня кажутся устаревшими. Например, библиотека на космической станции Солярис заполнена книгами, сделанными из бумаги, без следа оцифровки. Что касается "Возвращения со звезд", с другой стороны, отмечается, что Лем предсказал изобретение флэшки.

В последние 20 лет своей жизни Лем отвернулся от жанра научной фантастики, да и вообще от фикциональной литературы, и сосредоточился в своих сочинениях на эссе и фельетонах. В этом контексте возникает вопрос, как эти поздние тексты вписываются в творчество Лема. В этой статье рассматривается вопрос о том, насколько актуальны самые последние тексты Лема и верны ли, например, оценки редакторов тома "Планета Лем: Надвременные фельетоны" (Planeta LEMa: Felietony ponadczasowe; 2016), что нефикциональная короткая проза Лема является независимым от времени вкладом в фельетон как жанр. В анализе учтены произведения Лема, которые были собраны и опубликованы в отдельных томах. Поскольку публикация в книжной форме продолжается семьей Лема после его смерти, количество книг с очерками, художественными текстами и другими журналистскими работами в настоящее время велико:

1. "Приятные времена" (Lube czasu, 1995, коллекция фельетонов из газеты "Тыгодник Повсехный"/Универсальный еженедельник из серии "Мир по Лему" за 1994-1995 гг.).
2. "Sex Wars" (1996 г., сборник очерков и эссе).
3. "Тайна китайской комнаты" (Tajemnica chińskiego pokoju, 1996, сборник эссе польского издания "PC Magazine").
4. "Отверстия в целом" (Dziury w całym, 1997, коллекция фельетонных текстов 1995-1997, продолжение Lube czasu).
5. "Мегабитная бомба" (Мегабитовая Бомба, 1999, сборник эссе из "PC Magazine").
6. "Augenblick" (Okamgnienie, 2000, сборник эссе, на немецком языке: опубликовано под названием „Riskante Konzepte“).
7. "Дилемма" (Дылематы, 2003, сборник эссе).
8. "Мой взгляд на литературу" (Mój pogląd na literaturę, 2003, Очерки и литературная журналистика).

---

¹ Этот текст является переводом статьи на немецком языке, опубликованной в сборнике редактора Яцка Жешотника, 2021 г.